

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Учинчи йил нашри

6
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ДОКУМЕНТЫ О ПОЕЗДКЕ ХИВИНСКОГО ПОСЛАНИКА
АЛЛАШУКУР-БАЯ В МОСКВУ В 1762—1763 ГОДАХ

В фондах Архива внешней политики России (АВПР) нами обнаружено довольно значительное количество документов, относящихся к приезду в Москву в 1762—1763 гг. хивинского посланника Аллашукур-бая¹. Поездка его в Москву сыграла большую роль в возобновлении традиционных торговых и дипломатических связей Хивы с Россией, прерванных вторжением Надир-шаха в 40-х годах XVIII в. в Среднюю Азию. Это было первое хивинское посольство, принятое в России после освобождения Хивы от персидского господства².

В русской исторической литературе содержатся скудные данные об этом посольстве. Так, в книге С. В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие» говорится: «В 1762 г. приезжал в Россию посланец Аллашукур-бай от хивинского хана, но подробностей об этом посольстве мы не имеем»³. Аналогичное сообщение мы находим и у востоковеда Н. И. Веселовского⁴.

Некоторые сведения о приезде хивинского посланника Аллашукур-бая в Москву содержатся в труде Гиршфельда «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса», где отмечается, что «в 1763 году к русскому двору приехал посланец Хивин-

ского ханства с просьбой о ежегодной присылке в апреле и августе на Мангышлак русских судов для провоза хивинских товаров в Астрахань. Соглашаясь на эту меру, канцлер граф Воронцов потребовал письмом от хана для русских безопасного проезда через хивинские владения и права свободной торговли в их пределах... Точных сведений о последствиях этой попытки не имеется, но, вероятно, она не привела ни к каким результатам»⁵.

Других данных об этом хивинском посольстве у нас нет. Имеющиеся же сведения нередко противоречат друг другу и не соответствуют действительности. Нельзя, например, согласиться с мнением Гиршфельда и С. В. Жуковского о том, что миссия Аллашукур-бая в Москву не привела ни к каким результатам. С. В. Жуковский ошибочно принял приводимое Гиршфельдом сообщение о приезде в Москву хивинского посланника в 1763 г. за известие о новом хивинском посольстве, якобы отправленном в Москву в 1763 г.⁶

Вывявленные нами новые документы значительно расширяют круг сведений об этом посольстве и позволяют выяснить его цели и задачи.

Как видно из архивных документов, посольство Аллашукур-бая прибыло в Астрахань 18 мая 1762 г., переправившись из Мангышлака через Каспий на судах, принадлежавших астраханским тюленьим промыслам. Астраханский генерал-губернатор В. В. Неронов доложил Коллегии иностранных дел о приезде посольства в своем рапорте от 21 июня 1762 г. В. В. Неронов сообщал, что свита посланника состояла из 24 человек. При встрече с губернатором Аллашукур-бай заявил, что хивинский хан

¹ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1762—1763 гг., д. 6—10.

² Известно, что еще в 1745 г. в Астрахань прибыл посланец от хивинского хана Абул-Гази II Ходжи Мухаммед Ахун Мулла Турсунов. Однако он не был допущен ко двору, ибо русское правительство, сомневаясь в независимости Хивы, не желало принимать посланца «не самовластного владельца». Два последующих хивинских посольства (в 1750 и 1751 гг.) не были допущены ко двору по той же причине.

³ С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Труды Общества русских ориенталистов, № 2, Пг., 1915, стр. 87.

⁴ Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877, стр. 229.

⁵ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, составленное Генерального штаба капитаном Гиршфельдом, переработанное начальником Аму-Дарьинского отдела генерал-майором Галкиным, ч. I, Ташкент, 1902, стр. 16—17.

⁶ С. В. Жуковский, указ. соч., стр. 87.

Тимур-Гази⁷ направил его к российскому двору с поздравлениями по случаю восшествия на престол Петра II⁸.

Посол вручил Неронову письмо от двух хивинских инаков — Ходжам-кули и Мухаммед-Эмина⁹, в котором говорилось о целях посольства¹⁰.

⁷ Тимур-Гази-хан, по «Хивинской хронике» Муниса, происходил из династии бухарских ханов. Он был посажен на хивинский престол (после свержения Гаип-хана) в 1170 (1756/57) г. х. в возрасте 14 лет. После семилетнего правления он пал жертвой придворных интриг. Его преемники были лишь номинальными правителями ханства, вся власть в котором оказалась в руках инаков. (Мунис, Фирдоус-уль-икбал, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5364, л. 36—36 об.

⁸ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1762, д. 6, л. 106—106 об.

⁹ В «Хивинской хронике» Муниса и Агахи отмечается, что Мухаммед-Эмин был сыном Иш-Мухаммед-бия, казненного Надир-шахом в 1740 г. Мухаммед-Эмину тогда было 11 лет. Он воспитывался у Мухаммед-Арбаба. Большое влияние на него оказал Мухаммед-Эмин Мехтар. После убийства Хораз-бека Гаип-ханом инаками были назначены Ходжам-Кули и Яр-Мухаммед. После смерти последнего Ходжам-Кули решил захватить ханскую власть и привлек на свою сторону Ибрагим-инака. Однако заговор был раскрыт и по приказу хана Ходжам-Кули-инак и Ибрагим-инак были убиты. Это произошло в 1175 (1761/62) г. х. В раскрытии заговора большую роль сыграли Мухаммед-Эмин Мехтар и Мухаммед-Эмин, которые за это были назначены на должности инаков. С этого времени и начинается правление Мухаммед-Эмин-инака (Мунис, Фирдоус-уль-икбал, л. 46а).

¹⁰ Может возникнуть вопрос: чем объяснить тот факт, что Тимур-Гази-хан не счел нужным вступить в переписку с губернатором, а лишь дал знать ему о приезде посланника через своих министров. Очевидно, эти причины сводятся к следующему. Еще в 1751 г. в Астрахань прибыл хивинский посланник Нурали-бай, который привез письмо от своего хана с печатью, приложенной в заглавии на лицевой стороне, а не в конце или на обороте. Поэтому указом Коллегии иностранных дел письмо было возвращено послу. В 1761 г. оренбургский губернатор также задержал хивинского посланца Исхак-муллу, приезжавшего с поздравительным листом от хана Тимур-Гази. Лист оказался без печати, которая была приложена только на пакете, и послу было отказано в допуске ко двору. «Вот почему, — говорится в предписании Коллегии, — нынешний хан или по своей спеси или только не ознакомился со старыми делами, и изобрел сей способ, чтоб иметь переписку через своих людей».

Вот полный текст этого письма¹¹:

«Охраняющим государство, обладающим полнотой власти, многоуважаемым, доблестным, высокородным покровителям христиан Астраханской губернии губернатору и дьякам.

После изъявления дружеских приветов произносится восхваление аллаху, что мы здесь под тенью нашего господина, по достоинству равного дому Халифскому, пребываем в добром здоровье и благополучии и Вам желаем также доброго здоровья и благополучия.

После этого, да будет Вам известно, что с древнейших времен между Хорезмскими владениями и Россией существовали тесные связи. Они часто обменивались послами, благодаря чему торговля была весьма в добром порядке. А ныне, как нам стало известно, что от наших купцов, торгующих (с Россией), по сравнению с прошлым с их товаров взимают слишком высокую пошлину, а также и за провоз берут излишнюю плату, в то время как раньше обыкновенно за провоз брали по 10 копеек с пуда товара. Этим самым доводили наших купцов до разорения. Нам неизвестно, почему происходят такие «отягощения». Поэтому теперь мы по приказу нашего хана отправили к высочайшему двору нашего верно-подданного, доброжелательного Аллашукур-бая¹² в качестве посланника, чтобы он выяснил причины вышесказанного. Вашему высокопревосходительству необходимо также со своей стороны довести до сведения его императорского величества обо всем вышесказанном и просить, чтобы с наших купцов брали пошлину по ранее установленному тарифу¹³, для того, чтобы наши купцы возвращались с радостью и всяким благополучием. В свою очередь, мы также окажем вашим российским купцам всякие благодеяния и удовольствия, ибо купцы, находясь торговлей на территории той или иной страны, временно считаются подданны-

¹¹ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1762, д. 6, л. 119—119 об., копия. Перевод имеет заглавие: «Перевод с письма татарского, писанного от хивинских министров Ходжам-Кулия и Мугамед-Амина к его превосходительству Астраханской губернии губернатору господину действительному статскому советнику Василию Васильевичу Неронову».

¹² Аллашукур-бай был братом хивинского посланника Артык-батыра, посетившего Россию в 1740 г.; он командовал семитысячным корпусом ханских войск. Что же касается Аллашукур-бая, то он, по его словам, был купцом и не занимал никакой особой должности в ханстве (АВПР, ф. «Хивинские дела», 1762, д. 6, л. 107).

¹³ Согласно указу 1748 г., в Астраханской таможне с ввозимых в порт товаров взимались пошлины в размере 10 коп. портовых и 13 коп. внутренних с 1 руб. (АВПР, ф. «Хивинские дела», 1762—1763, д. 6, л. 366—367).

ми и нашего и Вашего государства. Следовательно, необходимо обоим государствам проявлять заботы об их благополучии. И нам не следует уклоняться с той дороги, проложенной нашими предками. Об остальном словесно будет сообщать наш посланник, то, что скажет, тому верить и его без всякой задержки вернуть обратно. Примите наши приветствия,

Дата: 1175 (1761/62) г. х.¹⁴

Хивинский посланник жаловался на компанию, торгующую с Хивой и Бухарой, которая лишь изредка направляла суда к Мангышлакской пристани и к тому же взимала очень высокую плату за провоз товаров. Среднеазиатские купцы, прибывавшие в Мангышлак, вынуждены были годами жить здесь в ожидании судов. Обо всем этом Аллашукур-бай просил губернатора довести до сведения российского двора¹⁵.

Вначале ходатайство В. В. Неронова о допуске хивинского посланца ко двору было отклонено на том основании, что посол не имел грамоты на имя императрицы Екатерины II, только что вступившей на престол. (Привезенная им грамота была адресована императору Петру III, которого уже не было в живых)¹⁶.

Но 16 августа 1762 г. был издан указ, разрешавший допуск посла в резиденцию императрицы.

Посольство выехало из Астрахани 7 октября 1762 г. и прибыло в Москву 1 ноября¹⁷.

¹⁴ Письмо было получено астраханской губернской канцелярией 20 мая 1762 г. В конце его — канцелярская помета: «На обороте письма две чернильные печати, в коих значатся имена вышеписанных министров. Подлинное переводил переводчик Илья Муратов». При сличении перевода с подлинником (или копией) нами были обнаружены некоторые неточности и пропуски. Поэтому мы решили дать новый перевод письма и ханского ярлыка, сохраняя, однако, некоторые особенности стиля и языка той эпохи.

¹⁵ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1762, д. 6, л. 116.

¹⁶ Здесь следует отметить также, что хивинский посланник отказался вручить В. В. Неронову ханский ярлык или копию с него, как этого требовала русская дипломатия. Принять же письмо от хивинских инаков губернатор считал ниже своего достоинства. Как отмечал Н. И. Веселовский, «у нас стали обращать внимание на мелочи и упускать из виду действительные интересы». (Н. Веселовский, Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетиях, СПб., 1884, стр. 16).

¹⁷ В свиту посла входили: купец Нурмухаммед Ходжамбердыев, советник Салихбай Рахимбаев, казначей Абдусаттар Абдусаметов, дворецкий Ишым Аvezбакиев, есаул Иш-Мухаммед Ниязов, адъютант Кутлы

10 декабря 1762 г. Аллашукур-бай и купец Нурмухаммед Ходжамбердыев были приняты канцлером М. И. Воронцовым, а 12 декабря — вице-канцлером князем А. Н. Голицыным, устроившим по этому случаю торжественный прием. Вручая канцлеру ханскую грамоту, посланник выразил надежду, что вскоре он будет представлен императрице.

В ханском ярлыке говорилось:

«Всепресветлейший, державнейший, Белый Князь и государь¹⁸, да утвердит Аллах государство Ваше, желаем Вам на государевом престоле благополучно царствовать. Да будет известно Вам, что мы, слава Аллаху, здесь, в отцовском владении, на золотом престоле пребываем в здравии и благополучии. Управляя страной, мы установили порядок и правосудие как в народе, так и в войске. Видя это, друзья наши радуются, а недруги испытывают страх. День ото дня увеличивается число радостных вестей, достойных нашей вечной державы, прибывающих со всех сторон. Наши подданные и бедные люди под покровительством моего правосудия находятся в благополучии и спокойствии.

Да будет Вам известно, что с древнейших времен между нашими двумя странами — страной Хорезмом и Русью существовали теснейшие дружественные торговые и посольские связи. Особенно мы питаем надежду, что со времени нашего благополучного утверждения на золотом престоле, наши послы и купцы (торгующие с Россией) лучше, чем прежде, будут беспрепятственно ездить друг к другу на благо наших подданных. И это увеличит нашу славу. Если будет угодно Аллаху, при Вашем и нашем благополучии, мы, следуя по пути, проложенному нашими предками, должны содействовать к лучшему развитию, чем прежде, посольских и торговых сношений, как сухопутными, так и водными путями. Это будет способствовать нашему взаимопониманию и сотрудничеству. Когда в Астрахань и Оренбург будем посылать своих купцов, чтобы таможенные служители сверх прежнего обыкновения излишних пошлин с них не брали, которые ныне берут бесчисленно много; также при погрузке товаров на суда за провоз берут излишнюю плату, отчего наши купцы испытывают убытки; почему такая высокая пошлина берется, мы не знаем причины. Если астраханский и оренбургский губернаторы сверх старинного обыкновения берут пошлины по вновь полученному императорскому указу, то в таком случае и мы прикажем брать излишнюю пошлину с российских купцов, торгующих с Хивой, и тем самым своих купцов обрадуем.

Абдуллаев и кальянщик Нияз Кадыров. Послов сопровождали сержант астраханского гарнизона Андрей Козлов, тодмач Аллакули Назаралиев и шесть солдат.

¹⁸ Восточные титулы, восхвалявшие царя, нами опущены.

Однако пока у нас не берут излишние пошлины с ваших купцов, а нашим купцам объявлено, что если высокая пошлина берется не по указу государя, то для получения о том подлинного известия будет послан от нас посланец; по сему случаю ныне посылается преданный нам добрый Аллашукур-бай посланником, а при благополучном его возвращении туда же будет снаряжено великое посольство. Мы надеемся, что во что бы то ни стало, не уклоняясь от проложенной нашими предками дороги и не чиня обиды приезжающим и отъезжающим купцам, пошлины взымали бы по старому обыкновению и тем самым обеспечили бы интересы подданных обеих стран. Обо всем остальном будет словесно сказано нашим посланником. Все, что им сказано, тому верить и без задержки его вернуть.

Примите наши приветствия.

Дата: 1175 (1761/62) г. х.¹⁹

9 января 1763 г. Аллашукур-бай подал канцлеру Воронцову письмо от своего имени, где, в частности, говорилось: «Для приезжающих в Астрахань морем хивинских купцов в начале апреля и в конце августа в Мангышлакскую пристань ежегодно два раза повелено было морские суда присылать, понеже за неимением на той пристани судов купцы наши претерпевают немалую нужду.

С купцов же наших, вопреки существовавшим прежним законам, взымали пошлины излишние, т. е. за провоз с товаров по 20 коп. с пуда, а с людей по 2 руб. с человека. По прибытии меня в Астрахань, просил я астраханского губернатора, чтобы взятые за провоз против прежнего обыкновения излишние деньги повелено было мне возратить, и по тому прошению излишние деньги возвратили и приказали привозные пошлины взять по прежнему обыкновению с пуда по 9 коп. с четвертью, а с человека по 90 коп. с четвертью, того ради ваше графское сиятельство прошу, дабы и впредь с наших хивинских купцов такие привозные деньги браны были в силу ее императорского величества указов и законов и о том астраханскому губернатору подтвердить»²⁰.

¹⁹ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1763, л. 183—183 об. Перевод с подлинника. В заглавии означено: «Перевод с листа хивинского Тимур-Гази-хана, присланного ко двору Ее императорского величества с посланцем его Аллашукур-баем». В конце грамоты — канцелярская помета: «Позади того листа в чернильной печати изображено имя его ханское» (перевод наш. — К. М.).

²⁰ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1763, д. 6, 214—214 об. Перевод с подлинника. В заглавии обозначено: «Перевод с письма хивинского посланника Аллашукур-бая, писанного на имя его сиятельства канцлера Михаила Ларионовича Воронцова с резолюцией последнего. В конце письма — канцелярская помета: «На обороте две чер-

Как видно из содержания ханской грамоты и письма посланника, хивинцы добивались снижения пошлины с привозимых ими товаров, своевременной отправки судов из Астрахани в Мангышлакскую пристань и сохранения платы за провоз, установленной в 1748 г.

Аллашукур-бай обещал, в свою очередь, что российским купцам, торгующим с Хивой, будут созданы благоприятные условия: их обеспечат выючным транспортом и вооруженной охраной на всем пути от Мангышлака до Хивы. Оплата за провоз должна была производиться по установленному тарифу, т. е. по 5—6 хивинских тилля²¹ с человека.

12 января 1763 г. Аллашукур-бай с тремя членами его свиты были представлены Екатерине II, которой они преподнесли различные подарки.

8 февраля 1763 г. секретарь и переводчик Турчанинов вручил хивинскому посланнику записку канцлера на татарском языке, в которой говорилось: «Здесь с удовольствием приемлется желание хивинцев о продолжении и распространении при здешних границах торговли, польза из того взаимная и поэтому старания приложатся, чтоб по представлению его посланника ежегодно при Мангышлакской пристани в начале апреля и в конце августа морские суда содержаны были и за перевоз хивинских купцов и товаров умеренная цена взята была. А при всем том хивинские купцы и сами с держателями морских судов в том еще добровольно соглашаться могут»²².

Кроме того, указом Коллегии от 27 февраля 1763 г. астраханскому губернатору предписывалось: «Неослабно наблюдать за сбором пошлин, чтоб хивинским купцам сверх надлежащей с товаров их пошлины и подлинно никакого отягощения делано не было, и за перевоз их морем настоящая и умеренная цена также без излишества с них брана была»²³.

Аналогичный указ был послан оренбургскому губернатору Давыдову, от которого пришел следующий ответ: «Ныне в Хиве по известной опасности... из российских купцов не только русских, но и из татар, там никого нет. Пошлины с хивинцев, в Оренбург приезжающих, не берутся, а собираются с российских купцов, торгующих с ними»²⁴.

Таким образом, пожелание хана об уменьшении пошлины с хивинских товаров и

нильные его Аллашукур-бая печати. Переводил регистратор Артамон Иманов».

²¹ 1 хивинский тилля тогда равнялся 2 руб. 50 коп.

²² АВПР, ф. «Хивинские дела», 1763, д. 6, л. 221—221 об. Отписка. В конце письма канцелярская помета: «Протокол о сем Коллегией подписан 4 февраля 1763 г. Записка канцлера на татарском языке — без подписания».

²³ Там же, д. 10, л. 7.

²⁴ Там же, д. 2, л. 71—71 об.

открытии постоянного судоходства через Каспий на Мангышлак было удовлетворено.

Что же касается жалобы хивинского купечества на незаконные действия Астраханской торговой компании, то в рапорте астраханского губернатора от 18 июля 1763 г. сообщалось следующее.

Согласно указам Правительствующего Сената от 6 июля 1758 г. и 31 декабря 1759 г. при Астраханском порте были учреждены две коммерческие компании: одна — братьев Исахановых, торговавших на персидском побережье Каспийского моря, другая — графа Воронцова с компанией, в ведение которой были отданы восточное (туркменское) побережье Каспия. Им разрешалось вести торговлю с туркменами, хивинцами и бухарцами. В согласении по этому поводу указывалось: «Кроме этой компании, в тех местах другим русским подданным никому никакими товарами не торговать под страхом конфискации товаров в пользу компании и для торгу содержать там свои морские суда..., кроме же компанейских, никаких частных купецких морских судов в объявленные берега и в Персию не пропускать»²⁵.

Вскоре, однако, компании начали притеснять хивинских и бухарских купцов, требуя с них за перевозку товаров в Астрахань по 50 коп. с пуда и по 2 руб. с человека. Хивинцы и бухарцы, «злобясь на оные притеснения, — говорилось в рапорте, — могут российских людей захватывать в плен»²⁶.

Жалобы хивинского купечества вынудили Правительствующий Сенат вновь рассмотреть этот вопрос. 31 июля 1762 г. последовал именной указ императрицы о ликвидации Астраханской монопольной компании и об учреждении свободной торговли на каспийских берегах, что способствовало

дальнейшему развитию русско-среднеазиатской торговли.

Как видно, русское правительство стремилось к укреплению своих отношений со среднеазиатскими ханствами. Об этом свидетельствует, в частности, тот благосклонный прием, который было оказан Аллашукур-баю.

28 февраля 1763 г. в доме канцлера была дана прощальная аудиенция хивинскому посланнику. М. И. Воронцов вручил послу ответную грамоту императрицы к Тимур-Гази-хану и письмо от своего имени. В грамоте императрицы говорилось об обоюдном стремлении к развитию торговли между Россией и Хивой ради блага подданных обеих стран²⁷.

В своем письме к хивинскому хану канцлер подтверждал то, что было сказано им в ответной записке Аллашукур-баю.

Аллашукур-бай, уезжая из Москвы, просил канцлера дать разрешение на вывоз 16 пудов олова, 12 пудов стали и 6 пудов клея для хана, а также 4 охотничьих ружей²⁸. Эта просьба была удовлетворена.

Вскоре посольство прибыло в Астрахань, однако здесь Аллашукур-бай заболел лихорадкой и умер (17 апреля). Его имущество и грамота на имя хивинского хана были переданы купцу из его свиты Нурмухаммед Ходжамбердыеву²⁹.

Таким образом, обнаруженные нами архивные документы расширяют наши представления о развитии торгово-экономических и дипломатических связей России со среднеазиатскими ханствами, и в частности с Хивой, во второй половине XVIII в.

М. Кутлуков

²⁵ АВПР, ф. «Хивинские дела», 1763, д. 2, л. 71—71 об.

²⁶ Там же, л. 74.

²⁷ Там же, д. 6, л. 271—272.

²⁸ Там же, л. 321—325.

²⁹ Там же, л. 359—360.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ун иккинчи йил наشري

№ 11
1968

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания двенадцатый

ПОСОЛЬСКИЕ СНОШЕНИЯ РОССИИ С ХИВОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Социально-экономическое развитие и международное положение Российской империи в первой половине XIX в. предопределили расширение ее политических и экономических связей со странами Востока, и в первую очередь со Средней Азией.

Важную роль в развитии торговых и дипломатических отношений России со Средней Азией играло Хивинское ханство. Почти весь товарообмен России с народами Средней Азии осуществлялся через Хиву, по территории которой проходили основные торговые пути, связывающие Восточную Европу со Средней и Центральной Азией.

На протяжении всей первой половины XIX в. правящие круги России стремились установить и расширить дипломатические, посольские связи с Хивинским ханством. Попытку установить непосредственные отношения с Хивой предпринял в начале прошлого столетия оренбургский генерал-губернатор П. Эссен. «По вступлении моем в управление Оренбургским краем, — писал он, — относился я к хивинскому хану Мухаммед Рахиму через торгующих здесь его подданных дружественным письмом о взаимной приязни, но на оное не получил от него никакого ответа»¹.

В 1816—1817 гг. П. Эссен по указанию Александра I направил с письмом к хивинскому хану поручика Абдул-Насир Субганкулова. Однако ханский министр Аталык-Богадур оказал поручику жесткий прием, отказался вести какие-либо переговоры и заявил, что всякий чужестранец, явившийся в Хиву без согласия хана, будет преследоваться вплоть до продажи в рабство или предания смерти.

Несмотря на неудачу миссии Субганкулова и некоторых других попыток завязать дружеские отношения с Хивой, Александр I требовал от оренбургского губернатора и кавказского наместника генерала А. П. Ермолова найти пути и средства к установлению дипломатических, посольских связей с Хивинским ханством.

В 1819 г. генерал Ермолов направил в Хиву майора М. И. Пономарева и капитана Н. И. Муравьева. Им было поручено начать переговоры об установлении дружеских взаимоотношений и урегулировании караванной торговли. Одновременно им предписывалось тщательно изучить путь от Красноводска до Хивы и склонить туркменские племена на сторону России. В наказе послам подчеркивалось, что «торговля с Хивой по возможности своей и многообразию редких произведений сей земли издавна обращает на себя особенное внимание Российского правительства»².

Миссия Пономарева и Муравьева не привела к установлению постоянных сношений России с Хивой. Но сам факт, что правящие круги ханства вступили в переговоры с представителями России, имел важное значение. Для России эта миссия не была напрасной. Муравьев и Пономарев выяснили, что Хивинское ханство не является монолитным, многие племена, особенно туркменские, недовольны ханом и охотно пойдут на самостоятельные сношения с Россией. Они уточнили конфигурацию Каспийского моря, установили, что на восточном берегу есть много мест, удобных для стоянок кораблей и создания факторий. Материалы этой миссии были впоследствии использованы генералом Кауфманом.

Почти одновременно с поездкой Муравьева и Пономарева из Оренбурга был отправлен в ханство хивинский караванный начальник Атаняз Ниязмухаметов с письмом от губернатора, выступавшего от имени русского правительства. Ниязмухаметов почти 30 лет ездил в Оренбург и был хорошо известен в местных кругах. Несколько позже в Хиву был направлен коллежский советник Бикчурин. Оба они должны были выяснить возможность установления официальных контактов с ханским правительством.

Однако хивинский двор отказался вести переговоры с Россией. Оренбургский губернатор писал царю, что, по словам А. Ниязмухаметова, «владелец хивинский никакими его представлениями не убедился и не только посланца на упомянутый предмет не отправил, но и в объяснения по оному войти не хотел, не поставляя на то никакой причины»³.

Все же правительству России удалось установить связи с некоторыми влиятельными ханскими чиновниками. Среди них был и губернатор Хивы Юсуп, который в благодарность за ценные подарки сообщил немало важных сведений. В конце 1819 г. из Оренбурга был направлен с неофициальной миссией башкирский старшина С. Ч. Абубакиров, который через Юсупа должен был выяснить положение в ханстве и возможность налаживания официальных контактов. Абубакиров привез ценные сведения, изложенные им в рапорте на имя начальника штаба Оренбургского корпуса⁴.

Основные цели российских посольств и миссий сводились к следующему:

- 1) установить постоянные дипломатические отношения и учредить посольства по типу, принятому в международной практике;
- 2) организовать торговлю на государственных началах, определить нормы и

¹ См. И. Н. Захарьин. В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, СПб., 1902, стр. 3.

² ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 1, л. 3.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 6, оп. 10, д. 2115, л. 36.

⁴ Там же, д. 1720, л. 6.

размеры пошлин, объем оборота, пункты обмена или продажи товаров, статуты дипломатического иммунитета купцов, пути движения караванов, места каравансарая, принять меры к благоустройству трактов;

3) прекратить нападения на экспедиции и караваны, обезопасить торговые пути, дать широкий выход на русские и европейские рынки товарам всех азиатских государств;

4) добиться отказа ханства от вмешательства в дела казахских племен;

5) заставить Хиву отказаться от работорговли подданными России, захваченными в плен в пограничных районах.

Попытки правящих кругов России установить сношения с Хивой не дали тогда положительных результатов. Но русское правительство продолжало настойчиво добиваться развития торговли с ханством, одновременно принимая меры к обеспечению безопасности караванных путей. Так, была организована охрана российских купеческих караванов. В 1824—1825 гг. под такой охраной отправился огромный караван в составе 1777 верблюдов (по некоторым данным, караван насчитывал 1500 купеческих, 1000 казахских верблюдов и 40 тыс. баранов). Стоимость одних лишь товаров достигала 450 тыс. руб. Но в песках караван подвергся нападению хивинских отрядов (явно не без ведома хана) и вынужден был вернуться обратно.

Все это ухудшало взаимоотношения между Хивинским ханством и Россией. Царские власти предприняли ответные экономические санкции, а затем организовали военный поход в Хиву. В 1835 г. были арестованы все хивинские купцы, находившиеся на территории России. Прекращение торговли и военный поход Перовского, несмотря на его неудачу, оказали влияние на позицию правящих кругов Хивы.

В 1841 г. в ханство было отправлено посольство во главе с капитаном генерального штаба Никифоровым. Посольство вручило хану проект договора, в котором предлагалось установить посольские связи, обезопасить торговлю, «не взимать с товаров русских купцов более процентов настоящей цене оных, и пошлины с его взимать один только раз с привозимых в Хивинские владения товаров»⁵.

Договор этот не был подписан, но по мнению ряда исследователей, Никифоров получил «согласие на снижение пошлин и на пребывание в Хиве постоянного торгового агента России»⁶.

Неожиданная смерть Никифорова, а также нерешенность порученных ему задач предопределили посылку в Хиву новой миссии во главе с подполковником Дани-

левским. Министерство иностранных дел составило для этого посольства тщательно разработанную программу действий, а также проект договора с ханством, предусматривавший прежде всего развитие торговых связей. Инструкцию подписывала Данилевскому осторожно, но настойчиво добиваться учреждения русского агентства в Хиве, которое содействовало бы торговле российского купечества в ханстве.

Миссия Данилевского завершилась в целом успешно. В подписанном ханом договоре Хива обязывалась:

«1. Отныне впредь не предпринимать никаких явных, ни темных враждебных действий против России;

2. Не производить и не потворствовать грабегам, разбоям и захватам ни в степи, ни на Каспийском море; и в случае, если таковые грабежи произведены бы подвластными Хиве племенами, то предавать виновных немедленному наказанию, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности;

3. Не задерживать в неволе российских пленных и ответствовать за личную безопасность и за сохранность имуществ всякого российского подданного, могущего быть в Хивинском владении;

4. В случае смерти в Хивинских владениях российского подданного, отпускать в целости оставшееся после него имущество российскому пограничному начальству для передачи его наследникам;

5. Не допускать беглецам и мятежникам из российских подданных укрываться в Хивинских владениях, но выдавать их российскому пограничному начальству;

6. С товаров, привозимых российскими купцами в Хивинские владения, взимать пошлину единожды в год и не свыше пяти процентов с действительной цены оных;

7. С товаров, принадлежащих российским купцам и отправляемых в Бухару или другие Азиатские владения через реку Сыр, или с привозимых сим путем обратно, никаких пошлин не брать;

8. Не делать никаких препятствий караванной торговле Азиатских владений с Российской империей, взимая, однако, с них по закону закят»⁷.

Таким образом, требования России, направленные на развитие торговли с Хивой, были удовлетворены, за исключением учреждения русского агентства в ханстве. Этот договор и миссия Данилевского имели положительное значение в истории русско-хивинских отношений.

Прибывшая из Хивы вместе с Данилевским посольская миссия Магамет-Эминя была очень доброжелательно встречена в России. Магамет-Эминь со своей свитой посетил крупные центры России — Петербург, Москву, Нижний Новгород, Казань, Оренбург. Члены миссии, среди которых было немало купцов и знатных лиц, закупали в этих городах все, что они считали необхо-

⁵ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 5042, л. 386—388.

⁶ См. А. С. Садыков. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX в. и начале XX в., Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 29.

⁷ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5286, л. 487—488.

димым. Министр финансов России распорядился, чтобы «имущества посланца и его свиты были выпущены из Оренбурга бесположно»⁸.

Однако вскоре после заключения договора он стал нарушаться обеими сторонами. Хива продолжала посылать в подвластные России казахские аулы своих представителей для сбора закята и других налогов. На купеческие караваны вновь стали совершаться нападения, отрицательно сказавшиеся на торговле между Россией и Хивой. Если в 1842 г. торговый оборот с Хивинским ханством достигал 432 тыс. руб. серебром, то уже в 1843 г. он сократился до 313 тыс. руб., а в 1849 г. — до 264 тыс. руб. серебром. Одновременно сократился и объем торгового оборота с Бухарой — с 1392 тыс. руб. серебром в 1842 г. до 903 тыс. руб. в 1849 г. Зато увеличился товарооборот России с Ташкентом, стоимость которого за эти годы возросла с 645 тыс. руб. серебром до 1032 тыс. руб.

Нарушение торговых связей и притеснения купчества в Хиве послужили поводом

для продвижения русских границ к хивинским землям. Россия построила ряд укреплений на Эмбе, Тургае, северных берегах Арала и восточном побережье Каспия, «дабы приходящие из Хивы караваны и торговцы, — как объявлял генерал Обручев, — как азиатские, так и русские, были там в совершенной безопасности во всякое время года от обиды и притеснений... это повлечет торговцев и промышленников иметь в заливе суда для перевозки товаров в Астрахань без промедления, между тем, как прежде, по неимению судов, товары оставались там не отправленные долгое время»⁹.

Таким образом, первая половина XIX в. характеризуется значительной активизацией политики русского правительства в Хиве и других среднеазиатских ханствах, что отвечало экономическим и политическим интересам царизма и развивавшейся российской буржуазии и подготавливало почву для последующего присоединения Средней Азии к России.

А. Амиров

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЗОНЕ СОХСКОГО ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕЕРА

История заселения одного из древнейших земледельческих оазисов Средней Азии — Ферганской долины — уходит далеко в глубь веков. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические памятники, обнаруженные во многих местах долины, в том числе в ее юго-западной части. Картографирование древних поселений показывает, что они располагались в предгорных районах вдоль саев, служивших источниками искусственного орошения — основы хозяйственной жизни оседлого земледельческого населения.

Многочисленные следы древнего заселения (остатки поселений, городищ, могильники и др.) находим мы в зоне Сохского водохозяйственного веера, послужившего основой образования крупного Кокандского оазиса. Археологические исследования позволили выявить здесь большое количество тепе и городищ, давших интересный материал. Например, в сел. Зодиан, где толщина культурных слоев достигает 1,5—3,5 м¹, обнаружена обильная керамика, начиная с кушанского периода. Для кушанского времени характерен полученный из нижнего слоя Зодиана тонкостенный хумик. По своему орнаменту и окраске он может быть отнесен к специфической для Ферганы группе древней керамики, распространенной по всей долине.

Кроме керамического материала, в зоне Сохского веера обнаружено много стеклян-

ных сосудов и медных монет (в их числе медная монета 1020 г. с именем Арсланхана²).

Некоторые древние поселения были не только ремесленными, но и своего рода административными и культурными центрами района. Среди них можно назвать городище Риштан, недалеко от центра современного Риштанского района Ферганской области. Судя по письменным источникам и археологическим материалам, Риштан издавна был центром высокоразвитого ремесла и торговли. В. В. Бартольд сообщает: «Риштан, сохранивший свое название до сих пор, был большим селением с двумя воротами, первые находясь около базаров, возле соборной мечети, вторые — около площади»³.

Описывая Риштан, В. В. Бартольд ссылается на сведения арабских географов X в. Значит, речь идет не о нынешнем Риштане, а о городище Риштан (местное население называет его «Сахиби Хидоя»). Предварительное изучение подъемных материалов дает основание полагать, что городище это существовало еще до начала нашей эры. В средние века город бурно развивался как ремесленный центр, активно участвовавший в торговых сношениях между восточной и западной частями Ферганской долины.

Другой важный памятник на территории Сохского водохозяйственного веера — городище в сел. Рабкан. Это поселение было экономическим и административным центром района, расположенного между

⁸ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5288, л. 480.

¹ Я. Г. Гулямов. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве БФК, Труды Института истории и археологии, т. IV, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951, стр. 85.

⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5751, л. 23—24.

² Я. Г. Гулямов. Указ статья, стр. 90.

³ Акал. В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 214.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1995

5-6-7-8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

МАВЕРАННАХР И РОССИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИК И КУЛЬТУР

Со времен средневековья торговые и ремесленные центры Средней Азии соединялись сухопутными и отчасти водными путями сообщения с соседними и отдаленными регионами, в том числе с Русью и теми государствами, земли которых позже вошли в состав России.

Авторам арабо-, персо- и тюркоязычных сочинений раннего средневековья известны были Куяб (Киев), столица Булгарского царства — Булгар, а также Сувар и другие города Восточной Европы. К VIII в. относятся конкретные сообщения о торговых караванах, направлявшихся из Хорезма в Волжскую Булгарию и обратно. По формировавшемуся в течение веков Великому Шелковому пути из и через Самарканд, Бухару, Иасы (Туркестан), Ташкент, Андижан и др. поступали на Запад «свои» и транзитные товары с Дальнего Востока, из Индии и других стран.

Между народами восточных и западных стран шел оживленный обмен ремесленной продукцией, сырьем и полусырьем, что способствовало не только взаимному обогащению конкретными предметами, но и общему развитию хозяйства и культуры. Так, уже с VIII в. далеко за пределы Мавераннахра вывозилась знаменитая писчая бумага из Самарканда. О ее высоком качестве свидетельствуют дошедшие до нас рукописи X в. Из одной страны в другую перевозились и книги — распространители культуры и науки. Как свидетельствует поэт, мыслитель и государственный деятель XVI в. Захириддин Мухаммад Бабур, научные открытия великого астронома Мирзо Улугбека получили распространение во многих западных и восточных городах. «Улугбек Мирза написал в... обсерватории «Гургановы таблицы», которыми теперь пользуются во всем мире», — сообщает Бабур¹. Вместе с купцами из одного региона в другой передвигались поэты, ученые, музыканты, певцы.

Среднеазиатского происхождения, между прочим, были и верблюды, из которых состояли караваны. Как показали исследования остеологических останков животных, основным транспортным средством для перевозки товаров по степным пространствам служили именно верблюды. При этом широко использовались среднеазиатские (двугорбые) бактрианы².

С раннего средневековья до начала XIX в. одним из основных товаров, доставлявшихся из городов современного Узбекистана в Россию, были ткани, главным образом хлопчатобумажные. Они могли быть разных видов, сортов, расцветок, широкие и узкие.

Одной из распространенных на Западе тканей была зеньдеш (занданачи), некогда вырабатывавшаяся в известном центре текстильного производства — селении Зандана близ Бухары, а позже — во многих других ремесленных центрах, но сохранившая свое наименование по первоначальному месту выработки. На ранних этапах она изготовлялась из шелка; как отметил один из историков того периода, из этой ткани «вельможи и цари шьют себе одежду и покупают ее по той же цене, что и парчу».

К VI—VIII вв. относятся фрагменты тканей занданачи, представленные в нескольких музеях Западной Европы. Согдийская надпись на

¹ Бабур-наме. Ташкент, 1958. С. 61.

² Петренко А. Г. Остеологические остатки животных из Болгара/Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 285.

одном из них, хранящемся в музее г. Юн в Бельгии, помогла установить название и место изготовления этой ткани. Как выяснили специалисты по древним тканям, эта богато орнаментированная шелковая ткань была изготовлена в сел. Зандана; изучение ее позволило определить как занданачи и многие другие фрагменты тканей из западноевропейских музеев. В результате археологических раскопок аналогичные ткани были найдены и на Северном Кавказе³.

В XIV—XVI вв. занданачи, изготовленная из хлопка, отличалась высокой товарностью. Письма, написанные на бересте, обнаруженные при раскопках в Новгороде, свидетельствуют о привозе этой ткани на Новгородскую землю⁴. К 1401 г. относятся документы, анализ которых дает основание говорить, что в западноевропейских городах того времени, в том числе прибалтийских, занданачи считалась одной из самых доступных горожанам привозных тканей⁵.

Ввоз в Россию занданачи («зендень») в XVII в. зафиксирован в московских описях товаров из Средней Азии. Однако под названием «зендень» в них подразумеваются разнообразные хлопчатобумажные ткани, каждая из которых имела собственное наименование. Это удалось выявить при сопоставлении московских описей со списками тех же товаров, составленными на месте отправления — в Бухаре. В этих списках названия тканей передаются на узбекском и таджикском языках арабской графикой, а слово «зендень» вообще отсутствует⁶. Анализ приведенных материалов позволяет сделать вывод: хлопчатобумажная ткань занданачи была настолько известна на Руси еще в предыдущие столетия, что название «зендень» использовалось в XVII в. и как собирательное наименование для всех среднеазиатских тканей.

Вместе с тем уже в XVII в. некоторые виды тканей привозились в среднеазиатские города из Москвы. Ярлык, составленный в 1643 г. от имени бухарского хана Абдулазиза, информирует: для ханского обихода посланник Бухары должен купить в Москве «узорчатые русские товары», «шелк цветной», «бархат франкский» (фаранги, т. е. европейский), «франкский оранжевый бархат», «чит-и фаранги»⁷. Однако количество европейских тканей, доставлявшихся в Среднюю Азию, было незначительным, и до конца XVIII в. Бухара, Самарканд и Ташкент оставались важными экспортными тканями и ткацких изделий в Россию. В дальнейшем, особенно с XIX в., вывоз среднеазиатских тканей в Россию значительно сокращается. Рост и технический прогресс российских хлопчатобумажных фабрик, сужение среднеазиатских рынков сбыта и ряд других обстоятельств, требующих специального исследования, привели к превращению прежних поставщиков ткацких изделий — среднеазиатских ремесленных центров — в сырьевые базы сбыта готовой продукции российской текстильной промышленности.

³ Sherherd D. G. and Henning W. B. Zandaniji Identified. Aus der Welt der Islamischen Kunst. Festschrift für Erns Kuhnelt. Berlin, 1959. Отд. оттиск. С. 56; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 93; Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации тканей занданачи) // Советская археология. 1961. № 2; Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972: ее же. К вопросу о связях Согды с Византией и Египтом (Об одной уникальной ткани из Северокавказского могильника Мошечая балка) // Народы Азии и Африки. 1967. № 3.

⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1975. С. 149.

⁵ Хорошкевич А. А. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 210.

⁶ Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Текст. С. 426—427; перевод. С. 168.

⁷ Подробнее см.: Мукминова Р. Г. Очерки истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI века. Ташкент, 1976. С. 59—61.

В числе бытовых предметов, ввозившихся из Европы, упоминаются европейские часы и очки.

С раннего средневековья вплоть до XIX в. в среднеазиатские города поставлялись кожа и обувь, особенно сапоги, получившие в восточных странах распространение под названием «булгари» (от г. Булгар на Волге). В исторических источниках (например, в «Повести временных лет») зафиксировано, что уже в X в. болгарские воины носили кожаные сапоги. К тому же столетию относится сообщение о вывозе из Булгара сапог «булгари».

Широкое употребление кожи не только в быту жителей Булгара, но и вывоз ее в другие страны привели к тому, что в языках народов Европы и Азии именно в названии кожи «булгари» запечатлелось слово «болгар». Изделия из «булгари» и сама кожа под этим названием были хорошо известны в средневековой Средней Азии. Бухарский поэт Хасанходжа Нисори (XVI в.) в своей антологии приводит стихи другого поэта — Хакима Шахрисабзи, в которых сообщается о мозаичных перчатках для соколиной охоты из Булгара. По образному выражению Хакима Шахрисабзи, лапка ловчей птицы напоминала узор вышивки перчаток (рукавиц) «булгари»⁸.

Кожевенное производство болгар — кожаная мозаика, выделка и изготовление разных изделий, в том числе обуви, послужили в дальнейшем истоком знаменитого ичежнего дела и производства других видов обуви у казанских татар⁹.

Позже производство кожи «булгари» и сапог из этой кожи «наследовали русские»¹⁰, и российские письменные источники чаще называют ее «русская кожа», или «юфть». В «Толковом словаре» В. Даля читаем: «юфть», «юхотник, кожевник. Казанские юхотники и сафьянщики». При этом Даль отмечает, что слово «юфть», возможно, болгарского происхождения¹¹. В том же значении переводится слово «болгар», «булгари» в персо-русских словарях¹².

«Болгарские сапоги» были предметом внешней торговли и пользовались известностью в Туркестане, — писал В. В. Бартольд.

Сапоги и кожа «булгари» поставлялись из России и в Бухару, но в XIX — начале XX в. эта кожа вырабатывалась уже в самой Бухаре. Она определяется как «местная кожа сорта булгари» (булгарская). «... Татары торговали кожей: из Бухары в Россию вывозили желтую кожу (булгари)»¹³.

Как и в средневековом Поволжье, кожа «булгари» в Бухаре XIX в. использовалась не только для пошива обуви. В «Каталоге архива кокандских ханов XIX века» приводится, например, документ о выдаче для мастерской «пушкарного приказа» (ишхана-и тубхана) кожи «булгари» (юфть), наряду со сталью (булат), ляпис-лазурью и другими материалами¹⁴.

Торговлю между Средней Азией и Россией в довольно крупных масштабах вели джуйбарские шейхи из Бухары, Захарий Богданов, приказчики братьев Строгановых и др. К концу XVI в. относится сообщение среднеазиатского историка Бадриддина Кашмири об участии

⁸ Хасанходжа Нисорий. Музакири ахбоб. Тошкент, 1993. С. 182.

⁹ Хлебникова Т. А. Кожевенное дело//Город Болгар. С. 249.

¹⁰ Бартольд В. В. Культура мусульманства//Соч. Т. VI. М., 1966. С. 187.

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 670.

¹² См., напр.: Полный персо-арабско-русский словарь/Сост. полковник И. Д. Ягелло. Ташкент, 1910. С. 264; Персо-русский словарь: В двух томах/Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970. С. 216, 217.

¹³ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 90.

¹⁴ Тронцкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968. С. 317.

в торгах в Бухаре купцов «со всего мира». Некоторые из них приезжали с переводчиками, другие сами знали язык народов той страны, куда приезжали. В результате осуществлялось общение представителей разных народностей, которые могли поделиться своими впечатлениями о странах, обычаях и быте народов, обитавших там. Эту черту как одну из характерных для купцов подметил еще великий мыслитель Алишер Навои. «Купцы благодаря своему ремеслу, путешествиям,—писал он,—представление о странах и городах имеют, об удивительных вещах и диковинных событиях рассказывать умеют». Между прочим, распространение произведений Навои уже при его жизни среди жителей Поволжья — одно из убедительных свидетельств культурных взаимосвязей Средней Азии с северо-западными странами¹⁵.

Среди предметов экспорта-импорта были и лекарственные травы. Из Ташкента во многие страны, вплоть до Европы, вывозилась, например, дармана — цитварная полынь, в листьях и корзинках соцветий которой содержится терпеноид сантонин. В проекте создания в России компании по торговле со среднеазиатскими ханствами на основе договорных соглашений (1730 г.) Пьер Кук, перечисляя товары, вывозимые из Средней Азии, писал: «Да семья Дремена, которое родится в Ташкенте и иное купцы привозят в Персидскую и Турецкую области и из Турецкой возят в немецкие страны».

Богатый ассортимент овощей, культивировавшихся в Средней Азии, дополнился в XIX в. за счет культуры картофеля. Впервые его здесь стали разводить в селении Нугай-Курган, под Ташкентом, где проживали татары — выходцы из Поволжья (в XIX в. поволжских татар в Средней Азии называли нугаями). Отсюда он постепенно распространился по всей Средней Азии. Доставленный первоначально из России, он сохранил свое русское название «картошка»¹⁶.

Из Средней Азии через г. Булгар проникли на Русь шахматы. Шахматные фигуры найдены при археологических раскопках на территории Волжской Булгарии X в.

Торговые взаимосвязи сопровождались оформлением договоров и денежных документов. Возникали торговые товарищества, вступавшие в связи между собой и использовавшие при этом денежные документы определенной формы. Несмотря на отсутствие в позднесредневековый период крупных коммерческих учреждений современного типа, по документу, выданному в одном месте, купцы могли получить деньги в другом городе даже если он находился под властью иного правителя. Подобная торговая операция осуществлялась при помощи чеков, которые могли быть приобретены в одном городе, а использованы в другом. Чеки получили широкое распространение сначала в коммерческом мире Востока, а позже перешли в деловой мир Запада¹⁷.

Эти экономические взаимосвязи получали поддержку на государственном уровне. В них участвовали нередко и сами правители. До нас дошли письма государей, специальные указы, инструкции, акты, имевшие целью развивать и расширять взаимовыгодную международную торговлю, обеспечивать нормальный обмен и передвижение товаров.

Вместе с послами и купцами в иностранные государства прибывали путешественники и ученые, желающие расширить свои знания. Имена

¹⁵ См., напр.: Абидов Ш. Ш. Творчество татарского поэта Мухамедьяра (XVI в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1960. С. 15.

¹⁶ Пашиню П. П. Туркестанский край в 1866 г.: Путевые заметки. СПб., 1868.

¹⁷ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии//Соч. Т. V. М., 1968. С. 110; Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 126.

отдельных представителей некоторых народов сохранились в названиях кварталов и площадей разных городов, рвов и т. п. (Тазик яр в Казани, квартал Ходжа Булгар в Бухаре и др.).

Экономические отношения между народами отдельных стран могли влиять и на структуру взаимосвязанных между собой городов. В. О. Ключевский писал: «...В далекой Москве, которая одинаково подвергалась влиянию и Запада, и Востока, торговля одним и тем же товаром также всегда была сосредоточена в одних и тех же рядах, как в Бухаре и других городах Востока... Для каждого товара назначены были особые места и лавки»¹⁸.

Происходили заимствования и в области строительства, в частности в наименованиях строительного материала. Особый интерес в этом плане представляет слово «кирпич» (кёрпич), упоминаемый в словаре Махмуда Кашгари (XI в.)¹⁹ и более поздних тюркоязычных сочинениях и словарях²⁰.

Языковые взаимодействия приводили к обогащению словарей народов, нередко территориально отдаленных друг от друга. Эти взаимосвязи экономики и культур отвечали кровным интересам народов Средней Азии и России.

¹⁸ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 225.

¹⁹ Махмуд Кашгарий. Туркий сузлар девони (Девону лугатит турк.). Т. I. Тошкент, 1960. С. 424.

²⁰ Русско-татарский словарь. Т. II. Казань, 1956. С. 75; и др.

В. А. GERMANOV

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛИСЬ РЕФОРМЫ ЭМИРА САИДА АЛИМХАНА

В связи с наметившимся, особенно после провозглашения независимости Узбекистана, интересом к событиям, повлекшим за собой крушение в 1920 г. Бухарского эмирата, наше внимание привлекает книга, опубликованная по горячим следам участником указанных событий, впоследствии академиком двух академий — Узбекистана и Таджикистана, известным историком и литературоведом Садриддином Айни, первым президентом Академии наук Таджикистана.

Это — «Материалы по истории младобухарского движения и бухарской революции». Книга была написана С. Айни по предложению назира просвещения Бухарской республики Кары-Йолдаша Пулатова. Рукопись, посвященная истории Бухары от времени правления эмира Насруллы (1826—1860) до сентября 1920 г., была завершена в том же 1920 г. Тем не менее, хотя автор незамедлительно получил за нее гонорар, книга была опубликована лишь в 1926 г. С тех пор она не переиздавалась, не переводилась с узбекского языка и не вошла в самые полные собрания сочинений классика таджикской и узбекской литературы. Лишь недавно опубликован перевод этого произведения на таджикский язык, осуществленный Рахимом Хашимом. Отдельные фрагменты, переведенные П. Шахристаном на русский язык, увидели свет в журнале «Памир» (Таджикистан)¹.

Рукопись С. Айни, насчитывающая 570 стр. в четвертую долю писчего листа (не считая оглавления) и хранившаяся первоначально в Бухарском государственном издательстве, еще до своего издания привлекала внимание видных исследователей. Так, акад. А. Н. Самойлович,

¹ Айни Садриддин. История революции в Бухаре, Памир. 1986. № 4. С. 122—133; № 5. С. 80—93.